

Д.Д. Новгородова

Каталоги Минерального кабинета Кунсткамеры XVIII в. в контексте культурной истории коллекций

В статье рассматривается репрезентация коллекций Минерального кабинета Кунсткамеры в ее каталогах (1745, 1760, 1789) в ракурсе культурной истории коллекций¹. Для анализа комплекса конкретных культурных значений как по отдельности, так и в их отношениях (каталог – коллекция – образец) использован алгоритм, разработанный основоположником пост-процессуальной археологии Иеном Ходдером.

Ключевые слова: история коллекций, история минералогии, Минеральный кабинет Кунсткамеры, Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана РАН, минеральные каталоги, минералогическая коллекция.

О ранней истории коллекций Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН в XVIII в. – когда он не был музеем, а был Минеральным кабинетом Кунсткамеры² и не был минералогическим³, а был «минеральным», в многочисленных «историях» музея рассказывается с разной степенью подробности, но, как правило, с одним и тем же набором элементов: это перечень имен исследователей, работавших в Кабинете (с упоминанием молодого Ломоносова, для которого разбор коллекций Минерального кабинета и составление каталога были первой работой, порученной ему в Академии наук), событий (поступлений в Кабинет значимых частных коллекций минералов или образцов из академических экспедиций⁴) и обязательно нескольких знаменитых экспонатов (например, серебряного самородка в виде рога, привезенного Петром Первым из Копенгагена, или «палласова железа» – первого метеорита, найденного в России, или минерала крокоита, по мнению Вернадского, описанного Ломоносовым за 20 лет до его «официального» открытия Леманом⁵). Так писали историю музея всегда, начиная с первых «библиотекарей» Петербургской академии

наук Иоганна Шумахера⁶, Иоганна Бакмейстера⁷ и Осипа Беляева⁸ в XVIII в. и заканчивая специалистами Минералогического музея им. Ферсмана в XX⁹.

Однако утвержденная традицией история музея очень мало говорит нам о самой коллекции: по каким принципам она строилась, из каких элементов состояла, почему в нее входили именно те, а не иные образцы, каковы были ее концепция, функции и значения в XVIII в.? То, что эти значения отличались от современных, и, более того, что их трудно понимать и описывать, опираясь на положения современной минералогии, любой исследователь обнаружит, как только начнет заниматься реконструкцией коллекции по старым каталогам Минерального кабинета Кунсткамеры – идет ли речь о реконструкции предметной или реконструкции минералогической терминологии.

Задача реконструировать комплекс значений, которыми обладала коллекция Минерального кабинета Кунсткамеры в XVIII в., обуславливает выбор исследовательской стратегии: это изучение истории коллекции Минерального кабинета Кунсткамеры по ее каталогам, источникам, наиболее полно репрезентирующим коллекцию; и в рамках культурной истории коллекции, традиции, которая активно разрабатывается последние 30 лет западными исследователями¹⁰. Так как в «минеральных каталогах»¹¹ описываются минералы – прежде всего природные образцы, и описываются они языком научного минералогического описания, то очевидной задачей становится не заниматься переводом старых терминологических понятий на язык современной науки¹² и не оценивать минералогические описания XVIII в. в категориях «правильно – не правильно» в системе современной минералогии, а обратить внимание на то, что «остается на краях», детали описания, неважные для минералога, но способные проявить образ коллекции, смыслы, которыми наделялись те или другие образцы и коллекция целиком, – и таким образом реконструировать культурную историю коллекции.

Методологические основания исследований истории коллекций, культуры коллекций, коллекционирования, как правило, разрабатываются на пересечении нескольких научных дисциплин, например истории науки, истории экономики, истории искусств; в ракурсе истории, философии, социологии.

Одной из центральных концепций, принятых в исследованиях культурной истории коллекций, является концепция коллекционных предметов как семиофоров (предметов, помимо очевидных утилитарных функций, обладающих и некоторыми «невидимыми» значениями; несущими в себе знаки), разработанная

последователем Школы Анналов, историком Кшиштофом Помяном¹³. А для конкретного анализа значений коллекционных предметов последние несколько десятилетий применяются методы изучения материальной культуры (Material culture study), первоначально разработанные в археологии и этнографии, а затем дополненные и модифицированные во множестве других гуманитарных дисциплин, в том числе и музейных исследованиях¹⁴. Коллекционные предметы в Material culture study изучаются не сами по себе, а в их отношениях с другими предметами, людьми, идеями.

Иен Ходдер, основоположник постпроцессуальной археологии, предлагает алгоритм анализа значений объектов материальной культуры, который можно применять и для исследования коллекций¹⁵. Ходдер выделяет три типа значений, которыми обладает любой объект материальной культуры: во-первых, значение объекта в его *функциональном, материальном¹⁶ или утилитарном значении* (Ходдер говорит здесь о технономических, социотехнических или идеотехнических функциях объекта; в данном случае значение объекта – это влияние, которое он оказывает на мир; и мы можем говорить о практическом значении); во-вторых, объект имеет *структурное или кодированное значение* (место, которое он занимает в некотором коде или структуре; Ходдер называет это значение символическим); третье – это *содержание значения*, которое проявляется в ходе исторического развития и изменения идей и ассоциаций объекта (в том числе значений первых двух типов), т. е. это значение, данное в историческом контексте, историческое значение.

В данном исследовании коллекции Минерального кабинета Кунсткамеры, как она проявляется в своих каталогах в XVIII в., схема Иена Ходдера позволяет рассмотреть комплекс взаимосвязанных значений коллекции и ее каталогов в трех плоскостях.

Во-первых, как значения, сформированные определенными практиками: экономическими – управляющими коллекциями и коллекционными предметами в системе производства, распределения, обмена и потребления; социальными – раскрывающими значение минералогических коллекций как знака высокого социального положения их владельца; интеллектуальными – проявляющимися в каталогах коллекции Минерального кабинета сначала как медицинские, а к концу XVIII в. полностью вытесненными научными минералогическими¹⁷.

Наиболее яркие исследования в рамках истории коллекций в последние годы проводятся на границах с историей экономики. Коммерция в них рассматривается как основной движущий фак-

тор развития науки в раннее Новое время в Европе¹⁸. На всем протяжении XVIII в. в отношении коллекции Минерального кабинета (и далее – Минералогического музея им. Ферсмана РАН вплоть до нашего времени) экономические практики через развитый рынок коллекционных минералов влияли на формирование коллекции, а коллекция, подкрепляя коммерческую ценность минералов музейной, способствовала дальнейшему развитию рынка. В Архиве Минералогического музея им. Ферсмана РАН сохранились каталоги частных коллекций, которые поступали в Минеральный кабинет, большая часть их них покупалась.

Историк Кшиштоф Помян объясняет механизм превращения самых разных предметов (у Помяна «мусора») в семиофоры¹⁹. Сначала предметы, не обладающие никакой ценностью, обретали свое значение в кабинетах ученых, по мере раскрытия значений древних текстов (из которых ученые часто и узнавали об их существовании), предметы служили иллюстрацией к текстам, их можно было изучать; затем посредством образованных людей они приобрели значения коллекционных, а затем наконец и сделались объектами, обладание которыми стало высоким социальным статусом их владельцев. Коллекции Минерального кабинета Кунсткамеры на всем протяжении своей истории выполняли эту функцию:

Ее Сиятельство, принявшее правление Академии наук [княгиня Е.Р. Дашкова. – Д. Н.], и *попечительствуя о славе оныя*, обратила между прочим внимание свое и на Кунсткамеру, и приметя, что большая часть минерального царства, *могущая составить вящую славу Академии* лежит совсем от очей зрителей сокрыта, приказала для оного очистить два покоя, сделать великолепные в них шкафы, и присоединив к старым минералам множество вновь Ее Сиятельством купленных, повелела оныя расположить так, как мы ныне их видим (курсив мой. – Д. Н.)²⁰.

Характерно также наличие в Минеральном каталоге 1745 г. большого числа записей о «негодных вещах»: поврежденных и разбитых образцах, различных обломках и др., однако эта их видимая негодность ни в коем случае не отменяла их научной и символической ценности, все они занимали достойное место в самой коллекции и ее корпусе – каталоге.

Во втором режиме комплекс значений раскрывается в самом языке каталогов, тексте каталогов как повествовании, сюжете, в котором объекты минералогической коллекции претерпевают те или иные приключения и превращения или же занимают определенное место. Но и сами каталоги, придающие форму коллекции,

формирующие то или иное значение коллекции или ее отдельных образцов, одновременно являются отражением или частью некоей структуры – в XVIII в. это Система минералогии, минералогическая систематика. Такая форма каталога превращала в камень любую вещь, попавшую в коллекцию, одна из характерных особенностей почти любого минералогического собрания: изделия из камня в коллекции обозначаются не как вещи, а как минералы. Первая графа каталога с XVIII в. и до сегодняшнего дня – это всегда точное научное название минерала (несмотря даже на исчезновение к концу XVIII в. минеральных каталогов как жанра). Не шкатулка и не ваза, не кольцо и не драгоценность, всегда только минерал: алмаз, сердолик, аметист, агальматолит, нефрит. В отличие от современной инвентарной книги музея в XVIII в. именно каталог с изначально заданной схемой минералогической систематики задавал порядок коллекции, а не, наоборот, подчинялся хронологической или иной музейной логике (при отсутствии образцов некоторые графы каталога оставались незаполненными, однако все равно присутствовали в каталоге в виде пустых листов – на случай появления в коллекции соответствующих минералов). Вещи заполняли графы таблицы – заданные «классы минералогии», а не список следовал за наличием вещей в коллекции.

Вместе с тем самой яркой чертой минеральных каталогов Кунсткамеры является то, что каждый следующий полностью «отрицал» предыдущие: каждый раз коллекция описывалась заново, с нуля, и «готовые» описания образцов из старых каталогов не использовались.

В каталогах последовательно менялись не только детали описания, но и сам их стиль. Минеральный каталог 1745 г. обращен к человеку образованному, но не обязательно разбирающемуся в минералогии, которому каталог старается привить профессиональное зрение (система сравнений минералов в самом первом каталоге Минерального кабинета (1745) разработана специально так, чтобы ее мог понять каждый: формы и поверхности минералов сравниваются с горохом, мылом, телячьими почками, цвет может быть обозначен как «мясной»). Одновременно эти описания, по своей сути «исследовательские», фиксируют для ученых удачные наблюдения, признаки, которые впоследствии помогут эти минералы легко узнавать. Позже некоторые из них входят в профессиональный язык минералогии, превращаясь из удачной метафоры в строгое научное наименование, минералогический термин, фиксирующий то или иное диагностическое свойство минерала (как, например, в учебниках минералогии в описаниях физических свойств минералов различают жирный блеск или раковистый излом). К середине-концу XVIII в.

каталоги составлены уже исключительно для специалистов, минеральные образцы не описываются, а просто называются, заполняя собой графы таблицы Системы минералогии, по ним затруднительно проводить атрибуции и предметную реконструкцию музейной коллекции²¹.

Этот же путь прошла и академическая наука. В пример можно привести статьи в Примечаниях к Санкт-Петербургским ведомостям; один из составителей Минерального каталога 1745 г. Иоганн Гмелин был активным автором Примечаний. Статья «О морских червях», от которой не ждешь ничего особенного и просматриваешь по необходимости, начинается как хороший приключенческий роман:

Морские черви в наибольшем презрении между всеми прочими не секомыми* гадинами имеются, и им редко такая честь делается, чтоб о них кто говорил или писал; Но они в Голландии о себе говорить, писать и стараться больше заставили, нежели как бы то сильный неприятель учинить мог²².

Во второй половине XVIII в. «занимательность» и «увлекательность» уходят и из научных сочинений, и из научных коллекций. В 1779 г. И. Бакмейстер описывает экспозицию Минеральных кабинетов Кунсткамеры (после пожара 1747 г. Кунсткамера была устроена по-новому, минералогическая коллекция расширилась и занимала уже три «особенных кабинета») и замечает:

Но как сии предметы больше обращают на себя внимание знатока, нежели прельщают взор простых зрителей; то для красоты за благо признано укласть потолок обоих сих покоев раковинами и минералами наподобие цветных пучков, водометов и других прикрашенных золотом (курсив мой. – Д. Н.)²³.

Этот же прием используется в экспозиции минералогической коллекции Кунсткамеры и спустя 15 лет (к причудливым украшениям на потолке минеральных кабинетов к тому времени был добавлен специально «составленный из разных раковин и морских каменнорастений ниш, подобие грота представляющий»²⁴). К концу XVIII в. минералогическая экспозиция Кунсткамеры уже привычно разделяется на две части: для знатоков и для «простых зрителей»; полагается, что в части профессиональной нет и не может быть ничего интересного не минералогу.

Такое разделение в минералогических музеях неявно сохраняется и до сегодняшнего дня: в обыденном сознании укоренилось представление о красоте того или иного экспоната как его

* Так в оригинале. Очевидно, имеются в виду насекомые. (Примеч. ред.)

единственной ценности, однако это, конечно, не так. Уже в XVIII в. понимали, что «тайна» камня заключена внутри него. Образцы минералогического музея – это не просто «самые красивые камни в мире», но только специалист способен увидеть структуру и оценить смысл научной экспозиции в целом.

И, наконец, третий комплекс значений коллекции Минерального кабинета Кунсткамеры, ее каталогов и образцов, раскрывается в концепциях минералогической коллекции (ее формы – способ, которым природные образцы, минералы были превращены в объект культуры, коллекцию). Для минерального кабинета эти концепции эксплицитно заданы в многочисленных российских и европейских источниках, на всем протяжении XVIII в. в отношении минеральных кабинетов действовал императив «коллекция-словарь», а начиная с XIX в. – «коллекция-карта».

Известно, например, что в XVII–XVIII вв. каталоги ботанических коллекций использовались как энциклопедии, они служили для идентификации тех или иных естественно-научных образцов в то время, когда номенклатура названий еще не была строго утверждена²⁵. Конкретные же образцы из разных известных коллекций было принято приводить как доказательство той или иной теории в научных статьях – со ссылкой на «музей» как книгу, его каталог:

Вздешней Императорской Кунст Каморе сему подобнаго показать можно. Между протчими имеется во оной Кунст Каморе подобная оному великая часть дерева, которая токмо до половины окаменела, а другая половина еще все свойства дерева имеет. Зри в протчем Музеум короля Дацкаго *на 1 странице*. В 7-й части и Бонанна Музеум кирхерианском *на 200 и протчих страницах*²⁶. ...Единое окамененное дитя, которое в Копенгагене в Кунст каморе имеется, могло бы вас к другому мнению привести. Оное можете вы в Музеи Короля Дацкаго в I разделении усмотреть. ...Такожде, когдаб я вам еще окамененную человеческую голову из Боннана Музеа Кирхерианского *на 201 стран: представить хотел*. Такожде и имеющуюся в Берлинской Кунст каморе окамененную голову птицы кулика; и окамененной мозг быка, которой в Штокголме пред некоторыми годами найден» (курсив мой. – Д. Н.)²⁷.

Концепция коллекции Минерального кабинета как словаря, примечания к Системе минералогии, прослеживается и в целом ряде научных сочинений XVIII в. «Минеральный кабинет есть собрание *всех* минеральных тел и их произведений, кои по известному порядку в нем разделены» (курсив мой. – Д. Н.), – пишет известный ученый Иоганн Леман в своей Минералогии²⁸.

Если минеральный каталог был схемой минералогической систематики, а образцы наполняли эту схему конкретным содержанием, то коллекция в целом была призвана быть визуальным словарем, по возможности наиболее полно иллюстрировать каталог, наполнить подробностями своеобразный «конспект» минералогии, делать зримой самую ее суть.

В XIX в. концепция меняется, минералогический музей перестает быть «словарем» и становится «картой».

Ломоносов в «Первых основаниях металлургии» высмеивал привычку коллекционеров ставить в систематических описаниях своих кабинетов на первое место те минералы, которыми богат их край:

И где они есть и выданы, оных в свет описания [имеются в виду описания минеральных кабинетов, т. е. минеральные каталоги. – *Д. Н.*], только так разны между собою, как места и мнения описателей. Ибо когда минералогию пишет Саксонец, преимуществуют у него серебряные и свинцовые руды, у Венгерца золотые, у Англичанина оловянные, у Шведа медные и железные. Сверх того всяк располагает собранные минералы по своей системе, и наконец думает, что подземная натура выбрала себе столицу в его рудном кабинете²⁹.

В XIX в., судя по каталогам, структура коллекции меняется на противоположную. В краткой описи Минерального кабинета, опубликованной в 1821 г., академик Василий Михайлович Севергин, описывая состав и экспозицию Минерального кабинета, пишет:

В боковой галерее по левую сторону со входа расположены минералы иностранные. ...В боковой галерее по правую сторону расположены минералы Российские, по Системе [Системе минералогии, т. е. минералогической систематике. – *Д. Н.*], названной *Отечественною*, потому что относится к родам и видам, единственно отечественных минералов³⁰.

Академику Севергину принадлежит очень красивая и наиболее артикулированная концепция минералогического (и шире – естественно-научного) музея в XIX в.:

Созерцание природы, разсматривание различных ее произведений, прилежное вникание в качества их и виды составляет упражнение коль приятное, толь и полезное для всякого людей

состояния. Но чтобы объять всю оных обширность, для того потребно предпринимать либо многотрудныя и отдаленныя путешествия, либо иметь собрания оных, расположенныя в приличном порядке, с показанием рода их, вида, названия, отличия от других, *и места рождения*. Но как первое не для всякого удобновозможно; то явствует, коль драгоценны должны быть сии последния, т. е. сохраняемыя их собрания. Оныя, можно сказать, составляют в Естественной Истории почти тоже, что Географическая карты в землеписании, ибо как по сим последним усматриваем мы на небольших листах обширныя земель пространства с городами их, селами, деревнями, реками, озерами, морями и пр. Так в правильно расположенном собрании естественных тел обозреваем мы как бы единым взглядом произведения почти всего земнаго шара с отличиями их, изменениями по климату, по месторождению, по местоположению, по влиянию почвы, и пр. Что сказано здесь о естественных телах вообще, то разуметь должно в особенности о ископаемых телах (курсив мой. – Д. Н.)³¹.

В XVIII в. (до 1789 г.) настоящим «музеем», коллекцией являлись каталоги, предметы же служили простым визуальным дополнением к каталогу, словарю Третьего царства природы; начиная с XIX в. (концепция «минеральный кабинет как карта») репрезентировать природу начинает предметный корпус коллекции (в идеале – точный слепок земной коры, каменной оболочки Земли), в каталогах же полностью элиминируется их дискурсивная роль, и они становятся простыми инвентарными книгами, превращаются в описи.

Уже с начала XIX в. Минеральный каталог 1745 г. характеризуется исследователями как беспорядочный и непонятный: «В помянутой росписи [Минеральном каталоге 1745 г. – Д. Н.] правильного Систематического порядка не примечается»³²; «В шкафах [Минерального кабинета Кунсткамеры в 1745 г. – Д. Н.] минералы были расположены довольно беспорядочно; они делились на две большие группы – по внешнему виду. К первой группе относились образцы, не имеющие определенной формы, – “бесформенные ископаемые”, ко второй – кристаллы минералов и окаменелости»³³.

Эти отзывы очевидно «несправедливы»: Иоганн Гмелин, продумывая структуру Минерального каталога, оставил «Замечание, необходимое для понимания минеральных каталогов», в котором подробно объяснил Систему минералогии, которую использовал в каталоге³⁴. Однако они показывают разрыв, который проходит

между коллекцией XVIII и XIX вв., коллекцией, перестроенной заново со сменой эпистемы, согласно новой познавательной матрице³⁵.

Музейные образцы – вещи с принципиально открытым, постоянно меняющимся, никогда не завершенным значением. Их значения, смысловое поле, которое витает вокруг них, в ходе музейной истории и развития науки развиваются, меняются, наслаиваются одно на другое, перемешиваются. Золотой самородок из коллекции XVIII в. остается золотым самородком и в XXI в. – однако как объект культуры он не остался прежним и в культурном измерении не идентичен современным образцам. «Невидимое наследие» – проблеск культуры в мире камня, произвола, выбора и свободы в царстве строгих природных законов, – очевидно, является одним из самых удивительных и неоцененных сокровищ в обширном и знаменитом собрании Минералогического музея им. Ферсмана РАН.

Примечания

¹ Результаты данных исследований подробно изложены в ряде статей автора: *Новгородова Д.Д.* Флорентийская мозаика «Минерального каталога» в собрании Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН // *Словарь языка М.В. Ломоносова* / Гл. ред. акад. Н.Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 5: Словарь-справочник «Минералогия М.В. Ломоносова» / Отв. ред. С.С. Волков. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 131–164; *Она же.* Три каталога из Архива Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН // *Новые данные о минералах* / Изд. Минералог. музея им. А.Е. Ферсмана РАН. Вып. 46. М.: Изд. Минмузея РАН, 2011. С. 114–123; *Она же.* От Музея Готтвальда к Минеральному каталогу Кунсткамеры // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII (чтения памяти И.М. Тронского)*. Материалы междунар. конф., проходившей 24–26 июня 2013 г / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2013. С. 636–653; *Она же.* Списки, описи, каталоги: от перечня вещей к формированию коллекции и становлению науки // *Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф.* (Новосибирск, 29 сент. – 3 окт. 2014 г.) / Отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Шелегина. Новосибирск: Автограф, 2014. С. 154–160; *Она же.* Скрытый герой. INVISIBLE HERITAGE // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII (чтения памяти И.М. Тронского)*: Материалы междунар. конф., проходившей 23–25 июня 2014 г / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2014. С. 730–737; *Она же.* Минералогическая коллекция как словарь [Электронный ресурс] // *Нов. рос. гуманитар. исслед. Материалы симпозиума «Живой камень: текст/словарь. Прелиминарии»* / Сост., ред. М.В. Завьялова, Т.В. Цивьян. URL: <http://nrgumis.ru/articles/1952/> (дата обращения: 15.02.2016).

- ² Хронологические рамки Минерального кабинета Кунсткамеры 1716–1836 гг.
- ³ В строгом смысле слова коллекция минералов Кунсткамеры не была «минералогической» в XVIII в., в то время минералогия как наука только формировалась, и ключевые минералогические понятия (минерала, горной породы и др.), а также в целом научная минералогическая терминология разрабатывались.
- ⁴ *Годовиков А.А.* Основные хронологические даты в истории Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана АН СССР // Старейшие минералогические музеи СССР. Очерки по истории геологических знаний. М.: Наука, 1989. Вып. 25. С. 53–71.
- ⁵ *Вернадский В.И.* Об открытии крокоита // Ломоносов. сб.: 1711–1911. СПб.: Изд-во Имп. Акад. Наук, 1911. С. 345–354; *Шафрановский И.И.* Минералогический каталог Ломоносова // Очерки по истории геологических знаний. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 3–21.
- ⁶ *Шумахер И.* Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук Библиотеки и Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в них художественных и натуральных вещей сочиненное для охотников оныя вещи смотреть желающих. СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, 1744.
- ⁷ *Бакмейстер И.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Императорской Академии наук, изданной на французском языке Иоганном Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, а на российский язык переведенной Василием Костыговым. СПб: Тип. морского шляхетского кадетского Корпуса, 1779.
- ⁸ *Беляев О.П.* Кабинет Петра Великого: Отделение третья, заключающее в себе описание древних и новейших российских и иностранных монет и медалей; разных драгоценнейших золотых и серебряных редкостей; российских и чужестранных минералов; окаменелостей, кораллов, раковин, травников и, наконец, разных живописных картин с присовокуплением многих таблиц / Изд. по Высочайшему повелению Императорской Академии наук унтер-библиотекарем Осипом Беляевым. СПб.: Имп. типография, 1800.
- ⁹ *Сольский Д.И.* Очерк истории Минералогического музея Академии наук СССР (дореволюционный период) // Тр. Минералог. музея. Вып. 11. М.: Изд. АН СССР, 1961. С. 220–230; *Барсанов Г.П., Корнетова В.А.* История развития Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана АН СССР за 270 лет (1716–1986) // Старейшие минералогические музеи СССР. Очерки по истории геологических знаний. М.: Наука, 1989. Вып. 25. С. 9–52; *Годовиков А.А.* Основные хронологические даты в истории Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана АН СССР // Там же. С. 53–71.
- ¹⁰ Обширная библиография работ, посвященных изучению кунсткамер, кабинетов редкостей, естественно-научных коллекций, тем не менее последние несколько десятков лет пополняется все новыми исследованиями, лежащими в области, которую можно назвать новой культурной историей (*Burke P.* What is Cultural History. Cambridge: Polity Press, 2008). История коллекций старше истории музеев, поэтому ее изучение в рамках культурной истории, а не музеологии позволяет расширить хронологические и тематические границы объекта исследования. Питер Бёрк помещает историю коллекционирования, которая является также предметом интереса историков искусства, историков, музейных специалистов,

в ракурс истории практик (Op. cit. P. 270) и в связи с этим упоминает исследования, публикуемые в Журнале истории коллекций (The Journal of the History of Collections, основан в 1989 г.), а также сборник статей «Культуры коллекционирования» (The Cultures of Collecting. L.: Reaktion Books, 1994), предисловие к которому составители начинают с утверждения, расширяющего хронологические рамки истории коллекционирования практически до истории самого человека: «Первым коллекционером был Ной» (Op. cit. P. 1).

- ¹¹ «Минеральный каталог» – русское название первого сводного каталога коллекции Минерального кабинета Кунсткамеры (составители И. Гмелин, И. Амман, М. Ломоносов), изданного на латинском языке в 1745 г. в составе сводного каталога всех коллекций Кунсткамеры (Catalogus minerarum // Musei Imperialis Petropolitani Vol. 1, Ps. 3: Qua continentur res naturalis ex regno minerali. СПб: Typis Academiae scientiarum Petropolitanae, 1745). Русский перевод Минерального каталога, выполненный в XVIII в. академическими переводчиками, был опубликован только в XX в. (Ломоносов М.В. Минеральный каталог // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 5. Тр. по минералогии, металлургии и горному делу 1741–1763 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 71–241).

Два других каталога, Каталог Лемана (1760) и Каталог Георги–Ренованса–Зуева в нескольких частях (1786–1789) не опубликованы и сохранились в латинских рукописях (Lehmann's Catalog. Neueres Exemplar. Bd. 1,2 // Арх. Минералог. музея им. А.Е. Ферсмана РАН. Д. 17. Л. 166; Georgi I.G. Catalogus Mineralium Musaei Academiae Scientiarum Imperialis, methodo Wallerii digestus. Anno MDCCLXXXVIII // СПб. филиал Арх. РАН. Р-д I. Оп. 122. Д. 8. Л. 96; Index Lithophylacei Rossici Musei Academiae scientiarum Petropolitanae. Georgi's Katalog der russischen Mineralien und Gesteine (1786–1789), Copie des Georgischen Originale // Арх. Минералог. музея им. А.Е. Ферсмана РАН. Д. [б/н.] Л. 50; Enumeratio fossilium Rossiae indigenorum, classem quartam Systematij mineralogici Walleriani constituentium. Presente a la Conference le 27 Nov., 1788 // Арх. Минералог. музея им. А.Е. Ферсмана РАН. Д. 1. Л. 82–94).

Объединение всех трех каталогов минералогической кунсткамеры XVIII в. понятием «минеральные каталоги» представляется оправданным и целесообразным. Формально все три каталога XVIII в. представляют собой опись коллекции, составленную и расположенную согласно той или иной минералогической систематике. Этим «минеральные каталоги» отличаются как от более поздних каталогов коллекции, в которых вещи описываются уже по другому принципу (тематическому, хронологическому, или же согласно расположению экспозиции музея), так и от более ранних аналогов (для Минерального кабинета Кунсткамеры такой аналог есть – это Каталог Готтвальда, в котором были описаны минералы, составившие первоначальную основу собрания Минерального кабинета: *Gottwald C. Musaeum Gottwaldianum, sive catalogus rerum rariorum, tam naturalium, quam artificialium, longa annorum serie. Cur aque et sumtibus haud exiguis collectarum, à viris d.v. excellentissimis experientissimisque, D. Christophoro Gottwaldio, Med. D. & Phisico Gedanensi, Patre & D. Joh. Christoph Gottwaldio, Med. D. filio, quas publica auctione in aedibus gottwaldianis Anno 1714. d. [...] Divendet Georgius Mattern. Typis JOH. ZACHARIAE STOLLI. [Gedani, 1714]. Без пагинации). Эта особенность минеральных каталогов*

позволяет рассматривать их как особую форму каталога минералогического собрания – переходную между едиными каталогами универсальных коллекций Кабинетов редкостей и музейными инвентарными книгами.

- ¹² Хотя эта задача тоже важна. Сейчас современному исследователю чрезвычайно сложно понять старую минералогическую терминологию, и «расшифровка» названий минералов, например в Минеральном каталоге 1745 г., – это предмет специальных сложных исследований, см., например: *Шафрановский И.И.* Минералогический каталог Ломоносова // Очерки по истории геологических знаний. М., 1961. С. 3–21; Названия минералов в трудах М.В. Ломоносова: Слов.-справ. / Сост. А.А. Вегушко-Калевич, С.С. Волков, Н.В. Карева-Титова, К.Н. Лемешев, Д.Д. Новгородова, А.С. Смирнова, М.Л. Сергеев, А.К. Филиппов // Слов. яз. М.В. Ломоносова... С. 167–183.
- ¹³ *Pomian K.* Collectors and Curiosities: Paris and Venice, 1500–1800. Cambridge: Polity, 1990.
- ¹⁴ См.: *Alberti S.J.M.M.* Objects and the Museum [Электронный ресурс] // The Univ. of Chicago Press Journals. Isis (A Journal of the History of Science Society). Vol. 96. № 4. 2005. P. 559–571. URL: <http://www.journals.uchicago.edu/doi/full/10.1086/498593> (дата обращения: 15.02.2016); *Interpreting Objects and Collections* / Ed. by S.M. Pearce. L.; N. Y.: Routledge, 1994; *Pearce S.M.* Museums, Objects, and Collections: A Cultural Study. Leicester: Leicester Univ. Press, 1992; *Pearce S.M.* On Collecting: An Investigation into Collecting in the European Tradition. L.: Routledge, 1995. Специально о геолого-минералогических коллекциях как объектах материальной культуры в связи с правомерностью использования в их исследованиях методов Material culture study см. диссертацию *Chalk H.-L.* The Uses, Meanings, and Values of Natural Objects: University earth science objects and collections as material culture. Doctoral diss. 2012. URL: <https://www.escholar.manchester.ac.uk/api/datastream?publicationPid=uk-ac-man-scw:185624&datastreamId=FULLTEXT.PDF> (дата обращения: 15.02.2016).
- ¹⁵ Короткая статья Иена Ходдера, объясняющая данный метод, помещена основоположницей Material culture study в музейных исследованиях, профессором Сюзан Пирс, в сборнике «Interpreting Objects and Collections»: *Hodder I.* The contextual analysis of symbolic meanings // *Interpreting Objects and Collections*. P. 12.
- ¹⁶ При этом Ходдер специально подчеркивает, что речь не идет о значениях объекта как вещества, которые изучаются методами специальных наук – физики, химии, биологии: “All objects can be given meaning, and of varied types. Beyond the meanings of an object as matter, to be studied by physicists, chemists and biologists for example, it can be argued that cultural objects have three broad types of meaning” (Op. cit. P. 12).
- ¹⁷ Подробно об этом см.: *Новгородова Д.Д.* От Музея Готтвальда к Минеральному каталогу Кунсткамеры. С. 636–653; в целом о роли медицины в развитии естественно-научных дисциплин и естественнонаучных музеев см.: *Findlen P.* Possessing nature: Museums, collecting and scientific culture in early modern Italy. Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 1996. P. 241–287.
- ¹⁸ См., например: *Merchants and Marvels. Commerce, Science and Art in Early Modern Europe* / Ed by P.H. Smith, P. Findlen. N. Y.: Routledge, 2002; *Margócsy D.*

Commercial Visions: Science, Trade and Visual Culture in the Dutch Golden Age. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2014.

¹⁹ *Potian K.* Collectors and Curiosities... P. 34–44.

²⁰ *Беляев О.П.* Кабинет Петра Великого, или Подробное и обстоятельное описание воскового его величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных его изделий и прочих достопамятных вещей, лично великому сему монарху принадлежавших, ныне в Санкт-петербургской императорской кунсткамере сохраняющихся. С присовокуплением к ним достоверных известий и любопытных сказаний. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1793. С. 72–73.

²¹ Подробно о традициях научного описании в моделях естественной истории и в целом о зарождении и развитии естественных наук в Европе раннего Нового времени см.: *Зверева В.* Модели естественной истории [Электронный ресурс] // Сайт Веры Зверевой «Культурка». Интеллектуальная культура Средневековья и Нового времени. URL: http://culturca.narod.ru/models.htm#_ftnref1 (дата обращения: 15.02.2016).

²² О морских червях // Примечания на СПб. Ведомости <...> 1733 года. Ч. 28–33. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1733. С. 109.

²³ *Бакмейстер И.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей... С. 165.

²⁴ *Беляев О.П.* Кабинет Петра Великого. или Подробное и обстоятельное описание воскового его величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных его изделий и прочих достопамятных вещей, лично великому сему монарху принадлежавших, ныне в Санктпетербургской императорской кунст-камере сохраняющихся, с присовокуплением к ним достоверных известий и любопытных сказаний. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1793. С. 78.

²⁵ *Margócsy D.* Northwestern University. «Refer to folio and number»: Encyclopedias, the Exchange of Curiosities, and Practices of Identification before Linnaeus // Journal of the History of Ideas. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2010. Vol. 71. № 1. P. 63–90.

²⁶ Триполитанское известие о превращении города в камень // Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях... 1729 года. Ч. 7. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1729. С. 25.

²⁷ Там же. Ч. 12. С. 45–46.

²⁸ *Леман И.Г.* Иоганна Готлоба Лемана, королевского прусского горного советника, Императорской Академии наук химии профессора и члена. Минералогия / Переведена Андреем Нартовым, статским советником, членом Берг-коллегии Монетного департамента, вольного Экономического общества, и Лейпцигского ученаго собрания свободных наук. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1772. С. 11.

²⁹ *Ломоносов М.В.* Первые основания металлургии или рудных дел // Ломоносов М.В. Указ. соч. С. 394.

³⁰ *Севергин В.М.* Краткая опись Минеральному кабинету Императорской академии Наук, по новому онаго расположению в 1820 году. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1821. С. V.

³¹ *Севергин В. М.* Обзорение Минерального кабинета Императорской академии наук // Технолог. журн. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1814. Т. 11. Ч. 1. С. 3–5.

³² Там же. С. 222.

- ³³ *Сольский Д.И.* Очерк истории Минералогического музея Академии наук СССР (дореволюционный период). С. 222.
- ³⁴ *Гмелин И.Г.* Замечание, необходимое для понимания минеральных каталогов. 1733 г. / Пер. А.И. Доватура // Ломоносов М.В. Указ. соч. Т. 5. С. 658–660: Примеч. В XVIII в. «минеральные каталоги» составлялись согласно той или иной минералогической систематике, Системе минералогии; и таких действующих «систем» к середине XVIII в. одновременно сосуществовало около трех десятков (*Adams F.D.* The birth and development of the geological sciences. N. Y.: Dover Publication, 1990. P. 200). В целом поиск «правильной» Системы минералогии – это нерв науки о минералах XVIII в. В.М. Севергин, как никто другой много сделавший для развития минералогического знания в России и весьма требовательно относившийся к научной строгости понятий, на протяжении 33 лет выпустил несколько изданий и вариантов своей «Минералогии», и чуть ни в каждом из них он применял новую классификацию: Кирвана (*Севергин В.М.* Начальные основания естественной истории, содержащие царства животных, произрастаний и ископаемых. Царство ископаемых. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1791. Кн. 1; Кн. 2); Добантона (*Севергин В.М.* Краткое начертание минералогии, сочиненное в пользу губернских гимназий академиком, коллежским советником и кавалером Васильем Севергиным. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1804); Леонгарда и Карстена (*Севергин В.И.* Новая система минералов, основанная на наружных отличительных признаках: соч. академика, стат. советника и кавалера Василия Севергина. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1816); Вернера (*Севергин В.М.* Краткое начертание минералогии, сочиненное в пользу губернских гимназий академиком, коллежским советником и кавалером Васильем Севергиным. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1824), каждый раз указывая на превосходство данной систематики над другими. Этот лихорадочный перебор прекращается только в XIX в., с появлением и утверждением систематик Вернера и Гаюи (с этого момента начинается история минералогии в современном ее понимании).
- ³⁵ Об эпистемах европейской культуры см.: *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. Для Мишеля Фуко, среди прочего, естественно-научные (ботанические) коллекции и их меняющаяся репрезентация в научном поле послужили яркими иллюстрациями той или иной эпистемы.